

ЦИЦЕРОН И ВЗГЛЯДЫ РИМЛЯН НА ДИКУЮ ПРИРОДУ

Поводом для статьи послужил отрывок из трактата Цицерона «De amicitia» (XIX, 68). Рассуждая о предпочтениях в дружбе, автор настаивает на большей надежности старых друзей. В подтверждение этого соображения он пишет: «*Consuetudo valet, cum his locis delectemur, montuosis¹ etiam et silvestris, in quibus diutius commorati sumus*». Вполне отдавая себе отчет в том, что восхищение дикой природой является продуктом позднейшего времени,² присмотримся к замечанию Цицерона более внимательно. Нужно ли считать это высказывание стоящим особняком в римской традиции, как это делал Э. Боуэн,³ полагавший, что Цицерон ценил пейзаж такого рода больше, чем прочие римские авторы?

Трудность изучения восприятия природы в античности заключается в том, что приходится различать непосредственное восприятие, передающее личные впечатления от созерцания окружающего мира, и восприятие опосредованное, при котором авторы описывают природу, опираясь на определенную литературную традицию, применяя те или иные приемы.⁴ Отметим сразу, что вторая тенденция превалирует. О каких же приемах идет речь?

Прежде всего, необходимо назвать этнографический подход к изображению пейзажа. Он подразумевает наличие ряда элементов, как то: описание географического положения, климата, сельскохозяйственной продукции и т. д. Наиболее подробно эта традиция освещена Р. Томасом,⁵ находящим ее черты у Горация, Вергилия, Лукана и других. К этой же традиции примыкают и топографические описания, типичность которых во многом является продуктом риторического образования их составителей.⁶ От эпохи Диоклетиана до нас дошло руководство по описанию стран и городов, принадлежащее Менандру Ритору.⁷ Автор, в частности, говорит о необходимости упоминания гор в числе прочих компонентов, характеризующих ту или иную местность (II, 344–346). Каждый элемент предлагается рассматривать в соответствии с его приятностью и полезностью (πρὸς ἡδονὴν καὶ ὠφέλειαν — II, 347).

Нельзя не упомянуть и о традиции изображения идеального пейзажа, которой посвящено значительное количество исследова-

ний, например фундаментальная монография Г. Шенбека⁸ и недавнее исследование П. Хас.⁹ Однако наиболее кратко и четко данный топос был, пожалуй, определен Э. Курциусом,¹⁰ выделившим две его разновидности: так называемый *locus amoenus* и смешанный лес.¹¹ Компонентами *locus amoenus* принято считать источник, луг, деревья с отбрасываемой ими тенью, а также цветы, пение птиц и — иногда — легкий ветерок. Наиболее выразительные и подробные описания мы находим у Петрония (сатм. 131), Клавдиана (X, 55 sqq.)¹² и Тиберiana (в стихотворении «*Amnis*»)¹³. Что же касается смешанного леса, то его изображение встречается, в частности, у Овидия (Met. X, 90–106), Сенеки (Oedip. 532), Стация (Theb. VI, 98) и уже упомянутого Клавдиана в поэме «Похищение Прозерпины» (II, 105 sqq.). *Locus amoenus*, а точнее *rus amoenum*, является тем фоном, на котором разворачивается действие идиллической поэзии, многих сочинений Горация,¹⁴ а также некоторых разновидностей античной живописи.¹⁵

Таким образом, поставленный выше вопрос можно несколько уточнить: имеем ли мы дело с достаточно редким для античности отголоском передачи непосредственных ощущений от восприятия природы, или высказывание Цицерона следует рассматривать в русле какой-то традиции?

Рассмотрению вопроса об отношении Цицерона к природе посвящены статьи А. Фуше¹⁶ и Дж. Дэвиса,¹⁷ а в известной степени и глава из книги А. Лавджоя и Дж. Боаса.¹⁸ А. Фуше сосредотачивается на изучении того, какую роль в жизни Цицерона играла сельская местность.¹⁹ Отмечая, что тот ищет в природе успокоения и утешения, автор статьи даже видит в Цицероновских прогулках по лесу предвосхищение чувств Руссо.²⁰ Это, конечно же, преувеличение, как и утверждение, что в трактате «*De natura deorum*» (III, 17) Цицерон выражает восхищение окружающим миром, неведомое никому в античности.²¹ Дж. Дэвис рассматривает отношение Цицерона к прекрасному в природе в рамках трех категорий: объекты, представляющие космический или устроенный человеком порядок; объекты, характеризующиеся полезностью и, наконец, объекты, обладающие естественной красотой.²² Автор говорит об избирательном подходе Цицерона к природе: его интересуют лишь те ее аспекты, без которых мир не был бы таким, какой он есть.²³ Вывод Дж. Дэвиса заключается в том, что взгляд Цицерона на природу отличается от нашего и может рассматриваться лишь в пределах трех выше названных категорий.²⁴

Отвлечемся на некоторое время от Цицерона и рассмотрим примеры отношения к горам и лесу у других латинских авторов. Придется признать, что нам не удалось — из-за объективно большого количества материала — рассмотреть все случаи, когда упоминаются лес и горы. Поэтому мы не претендуем на окончательность выводов, а только попытаемся наметить некоторые тенденции. Мы также сознательно оставляем за скобками образ леса и горы в фольклоре разных народов — слишком уж обширный круг вопросов возникает в этой связи.

Что же могло не нравиться римлянам в гористой и лесистой местности? В практическом отношении ответ представляется вполне очевидным. С одной стороны, эти территории были бесполезны для земледелия — и отсюда мотив их покорения и освоения;²⁵ а с другой — труднопроходимы и таили множество опасностей. Вполне естественно, что картинами второго рода избилуют тексты военного содержания, в которых успешное преодоление пересеченной местности — одно из условий удачного проведения военной кампании. Приведем несколько примеров восприятия гор и лесов как источника потенциальной опасности.

Тит Ливий описывает область лигурийцев как «*loca montana et aspera, quae et ipsis capere labor erat et praeeoccupatis deicere hostem*» (XXXIX, 1, 5). Он прекрасно осознает неудобство рельефа и вместе с тем считает, что это поможет римлянам не потерять боевую выучку. Тот факт, что прилагательные *montanus* и *asper* часто стоят рядом (не только у Ливия, но и в латинской прозе вообще) заставляет воспринимать их как своего рода гендиадис. Стаций в поэме «*Фиваида*» (II, 496–504) изображает естественную западню, устроенную самой природой и называет ее «*lecta dolis sedes*» — «отличное место для хитростей». Эта западня образована густыми лесами и склонами гор. В поэтическом сборнике того же автора «*Silvae*»²⁶ мы также встречаем упоминание леса и гор. Стаций рассказывает о покорении императором Домицианом гор:

... tu tardum in foedera montem
Longo Marte domas. (Silv. I, 1, 77–78)

Спустя несколько столетий Клавдиан в «Панегирике третьему консульству Гонория», перечисляя военные доблести этого императора Западной Римской империи, отмечает его умение преодолевать трудности, в ряду которых называется и покорение гор

(*ascensu vincere montes* — VII, 46). Забавной пародией²⁷ и на *locus amoenus* и на топографические описания в духе Саллюстия и Ливия выглядит картина логова разбойников у Апулея (IV, 6): «*mons horridus silvestribusque frondibus umbrosus et in primis altus fuit*». Комичность усиливается тем, что далее автор упоминает об источнике — одном из обязательных компонентов приятной местности.

Симптоматично, что у римлян были горы, которые назывались *Insani montes*, т. е. 'огромные и страшные'. Они находились на западном побережье Сардинии и были печально известны как место частых кораблекрушений.²⁸ Другая гора с «говорящим» и не менее мрачным названием — *mons Severus* в области сабинян — встречается у Вергилия (Aen. VII, 713). Возможно, в этом же ряду следует воспринимать и название *Silva Nigra* (современный *Schwarzwald* в южной Германии). Лес, а точнее лесистый хребет, мог быть назван черным, поскольку был густым и непроходимым.

Отношение к горам и лесам как к пугающему и опасному месту распространилось и на жителей этих районов. Факт, не требующий особенного подтверждения: там обитают люди, чей уровень культурного развития, как правило, ниже, чем у равнинного населения, а уровень воинственности часто выше. Достаточно часто прилагательное *montanus* обозначает диких людей. Цезарь, например, в «Записках о гражданской войне» упоминает «*homines asperi et montani*» (Civ. I, 57, 3).²⁹ Тит Ливий, повествуя о переходе Ганнибала через Альпы (XXI, 32), говорит, что тот едва не отказался от своей затеи, увидев высоту гор (*montium altitudo*), а также диких и лохматых людей (*homines intonsi et inculti*). Далее автор называет эти галльские племена *montani*, а из контекста совершенно очевидно, что Ганнибалу не приходится ждать от них ничего хорошего. Отмечая различное отношение к гористому пейзажу в древности и в позднейшую эпоху, Л. Лоран не сомневается,³⁰ что современный путешественник пришел бы в восхищение от такого вида. В другом месте Ливий указывает на прямую зависимость нрава жителей от характера рельефа: «*nam Samnites ea tempestate in montibus vicatim habitantes campestris et maritima loca contempto cultorum molliore atque, ut evenit fere, locis simili genere ipsi montani atque agrestes depopulabantur*» (IX, 13, 7).

Прилагательное *silvester* часто употребляется применительно к человечеству, находящемуся в первобытном состоянии, или при описании жизни варварских племен. В этом случае оно переводится как 'дикий'.³¹ Цицерон, в частности, пишет, что в древности люди

жили под сенью лесов (*in tectis silvestribus abditos* — Inv. I, 2, 12).³² У Клавдиана значительная часть произведений посвящена восхвалению воинских заслуг Стилихона, начальника армии императора Гонория. Так, в «*De bello Gothico*» изображается картина покорения этим полководцем варварских областей, где люди живут «*sub horrendis silvis*» (XXVI, 359). Дикость территорий, которые предстоит завоевать, конечно, несколько преувеличена, но это своеобразная дань традиции.³³ Попутно заметим, что сам Стилихон был родом из племени вандалов, что, конечно, не мешает Клавдиану видеть в его лице представителя Империи. В поэме «*De raptu Proserpinae*» Клавдиан передает жалобу богини Природы Юпитеру на то, что после ухода из мира Цереры, оплакивающей пропавшую дочь, люди вновь уподобились животным и стали бродить по лесам. Природа вопрошает:

*Naecine vita iuvat silvestribus addita lustris,
Indiscreta feris?* (XXXVI, 3, 44–45)

Примеры подобных отрицательных коннотаций прилагательных *silvester* и *montanus* можно было бы продолжить. Но обратимся к несколько иному употреблению этих слов. Общеизвестно, что отсутствие влияния цивилизации далеко не всегда воспринималось римлянами как недостаток. Напротив, простота и неиспорченность нравов почитались за добродетель. Вспомним в этой связи речь Цицерона в защиту Пландия. Оратор утверждает, что города Лация и Самния поддерживают его подзащитного и гордятся им (... *ea nostra ita aspera et montuosa et fidelis et simplex et faultrix suorum regio se huius <Plancii> honore ornari, se augeri dignitate arbitrabatur* — IX, 22). Важен для нас и отрывок из трактата Цицерона «*Brutus*» (259, 6), в котором сопоставляется ораторское мастерство Котты и Катюла. Оказывается, что успехи первого были достигнуты благодаря греческой учености, а второй достиг той же славы, но шел при этом по «дикой лесной дороге» (*inculta et silvestri via*), т. е. не использовал словесных ухищрений. Отметим, таким образом, что как положительное, так и отрицательное восприятие леса и гор может быть этически окрашенным.

В каких еще случаях лес и горы вызывают у римлян симпатию? Во-первых, похвала в адрес леса и гор звучит тогда, когда говорится о возможности их практического использования. Плиний Младший, например, рекомендуя другу собственную виллу, упоминает

находящийся неподалеку лес, богатый дровами (*suggerunt affatim ligna proximaе silvae* — II, 17, 26); лес этот очень хорош для охоты (*frequens ibi et varia venatio* — V, 6, 7). Цицерон в трактате о «*De natura deorum*» упоминает горы, покрытые лесом и травой (*montes vestiti et silvestres* — II, 132) в числе вещей, полезных для человека, наряду с месторождениями соли и целительными травами.

Во-вторых, лес и горы не вызывают отрицательных эмоций, если речь идет о родной местности. Знаменитый мотив «дыма отечества», введенный в литературу Гомером (*Od. I, 57–59*), был подхвачен и латинскими авторами. Цицерон, комментируя и распространяя своего знаменитого предшественника, так пишет о любви к родине: «*Ac si nos, id quod maxime debet, nostra patria delectat, cuius rei tanta est vis ac tanta natura, ut Ithacam illam in asperrimis saxulis tamquam nidulum adfixam sapientissimus vir immortalitati anteponeret, quo amore tandem inflammati esse debemus in eius modi patriam, quae una in omnibus terris domus est virtutis, imperi, dignitatis?*» (*De orat. I, 44, 196*).³⁴ Менее известный пример, отсылающий нас к Гомеру и одновременно полемизирующий с ним, обнаруживается у поэта V в. н. э. Рутилия Намациана. В поэме «*De reditu suo*» автор, изображая свое отплытие из Рима, пишет:

*Respectare iuvat vicinam saepius urbem
Et montes visu deficiente sequi.* (I, 189–190)

*Nec locus ille mihi cognoscitur indice fumo,
Qui dominas arces³⁵ et caput orbis habet
(Quamquam signa levis fumi commendat Homerus,
Dilecto quotiens surgit in astra solo).* (I, 193–196)

Хотя сам Рутилий родом из Галлии, он всячески прославляет Рим и считает его своей родиной. Отметим, что в обоих пейзажах, описанных поэтом и явно вызывающих его симпатию, присутствуют горы. Наконец, в подтверждение мысли о том, что гористая местность может быть любимой, если это родина, приведем цитату из Анния Флора, жившего в эпоху Адриана. Он так пишет о Ромуле: «*fluminis amator et montium, apud quos erat educatus*» (*Epit. I, 1, 49*). Таким образом, любая местность, которую человек считает родной, хороша для него и любима.

Могли ли лес и горы входить в представления об идеальном пейзаже у древних? Как было показано выше, деревья имеются в составе и *locus amoenus* и смешанного леса³⁶ (по классифика-

ции Э. Курциуса). Это вполне объяснимо, поскольку отбрасываемая ими тень так необходима для приятного времяпрепровождения. Можно согласиться с Х.-Д. Ребером³⁷ в том, что за лесом в античности не закрепилось определенного образного значения, как за горами. Возможно, это объясняется тем, что у слова *silva* достаточно количество активно используемых синонимов, которые, как правило,³⁸ не вызывают отрицательных ассоциаций. Впрочем, провести разграничения между *silva*, *lucus* и *nemus* бывает трудно.³⁹

Таким образом, если описание не только мифической, но и реальной местности выполнено в традиции *locus amoenus*, то лес (роща) или горы (холмы) могут быть там представлены, и в этом случае они лишены пугающих ассоциаций. Тому существует достаточно количество примеров.⁴⁰ Для Горация, например, присутствие гор не противоречит приятности расположения его сабинской виллы (*Ep. I, 16, 5*), дающей возможность скрыться от городской жизни. О том, что такого описания имений поэта представляют собой идеализированный *locus amoenus*, который наложился на реальный пейзаж, писал еще Г. Шенбек.⁴¹ Позднее Клавдиан в «*Nuptiae Honorii et Mariae*» (X, 49–68) изображает Кипр как место обитания Венеры. На острове именно обрывистая гора призвана не пропускать холодные ветра и защищать долину, где царит вечная весна.

Горы и леса роднит то, что они могут давать тень, столь необходимую на юге. С другой стороны, тень — это красиво. Здесь из области практической пользы мы переходим в область прекрасного. Особенно часто сочетание горы и тени встречается у Вергилия. Достаточно вспомнить хотя бы окончание первой эклоги (82–83), где изображается наступление вечера. Э. Френкель считал⁴² эти строки одними из лучших в латинской поэзии:

*Et iam summa procul villarum culmina fumant
Mioresque cadunt altis de montibus umbrae.*⁴³

Эти стихи примечательны еще и тем, что это первое, — по крайней мере, из сохранившихся — упоминаний о тени, отбрасываемой горой.⁴⁴

Прелестно описание вечера в «Мозелле» Авзония, где идет речь о теньях и горе, которая как будто бы опрокинулась в реку:

*Quis color ille vadis, seras cum propulit umbras
Hesperus et viridi perfundit monte⁴⁵ Mosellam.* (XX, 191–192)

Меняющаяся освещенность гор встречается и у Рутилия Намациана, который в отличие от Вергилия и Авзония описывает не закат, а рассвет. В его стихах также упоминаются *montes* и *umbra*, последнее слово, однако, в этом контексте скорее обозначает 'туман':

*Incipit obscuros ostendere Corsica montes
Nubiferumque caput concolor umbra levat.* (I, 431–432)

Воспринимали ли древние римляне горы и лес как составную часть пейзажа, которой можно любоваться? Рассмотрим два отрывка из писем Плиния Младшего (I, 6) и Сенеки (41, 3), которые могли бы помочь ответить на этот вопрос. Из текста Плиния даже делался вывод о том, что только у римлян дикая природа начинает восприниматься как оазис покоя и отдохновения, а пейзажем начинают наслаждаться.⁴⁶ Напомним, что Плиний рассказывает другу о неожиданно удачной охоте на кабанов. Добыча тем более обрадовала автора письма, что, сидя в засаде, ему удалось использовать время ожидания для литературных занятий. Действительно, в тексте говорится о том, что уединение в лесу и тишина как нельзя лучше способствовали размышлениям.⁴⁷ Тем не менее нельзя не заметить шутливого тона, в котором написано письмо. Из текста совершенно не следует, что Плиний отправился насладиться природой и заняться на ее фоне сочинительством. Он лишь с пользой употребил оставшееся время, оценив преимущества местности. Заметим, что и своему корреспонденту Плиний советует брать таблички для записей не просто в лес, а именно на охоту. В письме Сенеки также как будто идет речь о восхищении природой — густотой рощи, тенью, пещерой у подножия горы. Однако из более широкого контекста очевидно, что для Сенеки прелести пейзажа лишь являются подтверждением вездесущности божества.

Любопытно сопоставить отношение к окружающей природе Цицерона и Горация в связи с тем, что они проводили досуг в похожей местности. Принимая во внимание, что трактат «*De amicitia*» был написан в Тускуланском имении, рискнем предположить, что пейзаж, приводимый Цицероном *exempli gratia*, не совсем абстрактен, а мог быть навеян привычными окрестностями. В идеализированном пейзаже, создаваемом Горацием, нет (и не может быть) намек на неприятные ощущения. В данном случае совершенно неважно, насколько искренен поэт в похвалах своему имению, имеет значение

лишь создаваемый образ «прекрасной местности». Цицерон же не воспринимает природу сквозь призму традиции *locus amoenus*. В то же время его отзыв едва ли можно считать и передачей непосредственных впечатлений, поскольку наш автор слишком хорошо осознает «отрицательные» черты гористой местности (прежде всего, ее незатронутость цивилизацией и неплодородность). Глагол *delectare* у Цицерона употребляется более четырехсот раз, при этом только единожды по отношению к природе (... *his locis delectemur* — *De amic. XIX, 68*). К. Наук⁴⁸ предлагает перевод «*uns hingezogen fühlen*» («нас привлекает»). В тех случаях, когда Цицерон хочет показать, что местность красива и ему приятна, он употребляет слово *amoenus* и его производные. Насколько можно судить по текстам, *amoenitas*, как правило, выражается у нашего автора в здоровом климате (*De leg. II, 3, 2*; *De orat. II, 290, 4*) и расположении вблизи воды (моря — *Att. XII, 19, 1* или реки — *Q. fr. III, 1, 1*). Следовательно, отрывок из «*De amicitia*», с которого мы начали статью, едва ли поможет сделать вывод об эстетических пристрастиях Цицерона, подход которого здесь, скорее, практический. Неприятная сторона пейзажа уравнивается утилитарным аргументом — необходимостью предварительного знакомства с местностью, привычкой. Таким образом, едва ли можно согласиться с Э. Боуэном,⁴⁹ который полагал, что Цицерон в большей степени ценил дикую природу, нежели остальные римские авторы.

Глагол *delectare*, употребленный в значении 'получать эстетическое удовольствие', появляется только в более поздней литературе. Встречается он, в частности, у Авзония. Поэт описывает берега Мозеллы и отмечает, что их видом любят не только люди, но и божества:

Non solos homines delectat scaena locorum. (XX, 169)

Вообще, умение выразить восхищение окружающим пейзажем в латинской литературе проявляется достаточно поздно. Наиболее отчетливо оно выражено, на наш взгляд, в двух отрывках из уже упомянутой поэмы Рутилия Намациана:

Eminus Igilii⁵⁰ silvosa cacumina mirror. (I, 325)

и приведенных выше строках:

*Respectare iuvat vicinam saepius urbem
Et montes visu deficiente sequi.* (I, 189–190)

Примечания

- ¹ Чтение monstruosis, предлагаемое частью рукописей, едва ли заслуживает доверия. См.: *Tullii Ciceronis M. Laelius de amicitia dialogus mit einem Kommentar* / Hrsg. von M. Seyffert. 2. Aufl. besorgt von C. F. W. Müller. Leipzig, 1876. S. 432.
- ² См. об этом, например: *Friedländer L. Darstellungen aus der Sittengeschichte Roms*. Bd I. Leipzig, 1919. S. 459–488.
- ³ *Tullii Ciceronis M. Laelius de amicitia* / Ed., Intr., Comment. by E. W. Bowen. Boston; N. Y.; Chicago, 1909. Ad locum.
- ⁴ О роли предшествующей традиции в изображении природы пишут, в частности, Г. Вильямс (*Williams G. Tradition and Originality in Roman Poetry*. Oxford, 1968. P. 634 ff.) и П.-Ж. Деон (*Dehon P.-A. Hiems Latina: Etudes sur l'hiver dans la poésie latine, des origines à l'époque de Néron*. Bruxelles, 1993 (Collection Latomus. Vol. 219). P. 323 sv).
- ⁵ *Thomas R. F. Lands and People in Roman Poetry: The Ethnographical Tradition*. Cambridge, 1982 (Cambridge Philological Society. Suppl. Vol. 7).
- ⁶ *Horsfall N. Illusion and Reality in Latin Topographical Writing // Greece and Rome*. 1985. Vol. 32. № 2. P. 197–208.
- ⁷ *Menander Rhetor* / Ed. with Transl. by D. A. Russel and N. G. Wilson. Oxford, 1981.
- ⁸ *Schönbeck G. Der locus amoenus von Homer bis Horaz*: Diss. Heidelberg, 1962.
- ⁹ *Haß P. Der locus amoenus in der antiken Literatur: zu Theorie und Geschichte eines literarischen Motivs*. Bamberg, 1998.
- ¹⁰ *Curtius E. R. European Literature and the Latin Middle Ages* / Transl. from the German by W. R. Trask. Princeton, 1973. P. 183–195.
- ¹¹ *Ibid.* P. 193.
- ¹² Нумерация приводится по изданию: *Claudii Claudiani carmina // Monumenta Germaniae Historica. Auctorum antiquissimorum* / Rec. Th. Birt. T. X. Berolini, 1892.
- ¹³ *Poetae latini minores* / Rec. et emend. A. Baehrens. Lipsiae, 1881. P. 264–265.
- ¹⁴ *Troxler-Keller I. Die Dichterlandschaft des Horaz*. Heidelberg, 1964. S. 75 ff.
- ¹⁵ См.: *Ростовцев М. Эллинистическо-римский архитектурный пейзаж*. СПб., 1908. С. 2–4; *Leach E. W. The Rhetoric of Space: Literary and Artistic Representations of Landscape in Republican and Augustan Rome*. Princeton, 1988. P. 197 ff.; *Woermann K. Die Landschaft in der Kunst der alten Völker: Eine Geschichte der Vorstufen und Anfänge der Landschaftsmalerei*. München, 1876. S. 212 ff.; *Swindler M. H. Ancient Painting from the Earliest Times to the Period of Christian Art*. New Haven, 1929. P. 334 ff. и др.
- ¹⁶ *Foucher F. Cicéron et la nature // Bulletin de l'Association G. Budé. 4 Série*. 1955. № 3. P. 32–49.
- ¹⁷ *Davies J. C. Was Cicero Aware of Natural Beauty? // Greece and Rome. 2 Series*. 1971. Vol. XVIII. P. 152–165.
- ¹⁸ *Lovejoy A. O., Boas G. Primitivism and Related Ideas in Antiquity* / With Supplementary Essays by W. F. Albright, P.-E. Dumont. Baltimore; London, 1935 (repr. 1997). P. 243 ff.
- ¹⁹ *Foucher F. Cicéron et la nature*. P. 32.
- ²⁰ *Ibid.* P. 42.
- ²¹ *Ibid.* P. 47.

- ²² *Davies J. C. Was Cicero Aware of Natural Beauty?* P. 155 ff.
- ²³ *Ibid.* P. 162.
- ²⁴ *Ibid.* P. 165.
- ²⁵ См., например, Горация (Ep. I, 2, 45; II, 2, 186).
- ²⁶ Разумеется, данное название обозначает лишь жанр.
- ²⁷ См. об этом: *Schiesaro A. Il «locus horridus» nelle «Metamorphosi» di Apuleio // Maia*. 1985. Vol. 37. P. 212–213; *Westerbrink A. G. Some Parodies in Apuleius' Metamorphoses // Aspects of Apuleius' Golden Ass* / Ed. by V. L. Hijmans Jr., R. Th. van der Paardt. Groningen, 1978. P. 67.
- ²⁸ *Insani montes* упоминаются Ливием (XXX, 39) и Флором (Epit. II, 6, 35), а Клавдиан в «De bello Gildonico» дает их подробное описание (XV, I, 513 sqq.).
- ²⁹ По отношению к местности он употребляет прилагательное *montuosus* (*loca aspera et montuosa* — Civ. I, 66, 4).
- ³⁰ *Cicéron. L'amitié* / Texte ét. et trad. par L. Laurand. Paris, 1928. P. 38.
- ³¹ *Davies J. C. Was Cicero Aware of Natural Beauty?* P. 154.
- ³² Также можно сравнить: *Hor. Ars.*, 391.
- ³³ Так, например, Вергилий явно преувеличивает холод Скифии и т. д. (см.: *Thomas R. F. Lands and People in Roman Poetry*. . . P. 66).
- ³⁴ Близкие идеи высказываются Цицероном и в начале второй книги «De legibus» (II, 1–4).
- ³⁵ О холмах, на которых расположен Рим.
- ³⁶ В состав смешанного леса могут входить деревья, никогда не растущие вместе. Так, Клавдиан, описывая в «De raptu Proserpinae» фантастический лес, объединяет 10 видов самых разнообразных растений (XXXV, 2, 107 sqq.).
- ³⁷ *Reeber H.-D. Die Landschaft in der Aeneis*. Hildesheim, 1971 (Spudasmata. Bd XXVII). S. 66.
- ³⁸ Конечно, бывают и исключения (Verg. Aen. I, 165; Ovid. Met. VII, 75 и т. д.).
- ³⁹ Например, у Лукреция слово *nemus* оказывается практически равнозначным *silva* (V, 992), Гораций использует *nemus*, описывая сад (Carm. III, 10, 5), а у Авзония *silva* по степени употребительности значительно уступает *nemus* и *lucus*.
- ⁴⁰ *Hor. Sat.* II, 6, 2; *Epod.* 2, 26; *Carm.* III, 16, 29; *Stat. Silv.* I, 3, 17–19; 38–42, etc.
- ⁴¹ *Schönbeck G. Der locus amoenus von Homer bis Horaz*. S. 155–156.
- ⁴² *Fraenkel E. Horace*. Oxford, 1957. P. 25. Note 3.
- ⁴³ Горы, отбрасывающие тень, упоминаются Вергилием также в *Georg.* I, 342 и в *Aen.* III, 508. Ср. также: *Hor. Carm.* III, 6, 41–43.
- ⁴⁴ *Nováková J. Umbra: ein Beitrag zur dichterischen Semantik*. Berlin, 1964. S. 35.
- ⁴⁵ Вообще, Авзоний избирает слова *mons*, предпочитая *iugum* (см.: *The Works of Ausonius* / Ed., Intr., Comment. by R. P. H. Green. Oxford, 1991. P. 485).
- ⁴⁶ *Elliger W. Die Darstellung der Landschaft in der griechischen Dichtung*. Berlin; New York, 1975. (Untersuchungen zur antiken Literatur und Geschichte. Bd 15). S. 452.
- ⁴⁷ *Iam undique silvae et solitudo ipsumque illud silentium, quod venationi datur, magna cogitationis incitamenta sunt* (Plin. I, 6, 2).
- ⁴⁸ *Tullii Ciceronis M. Laelius sive de amicitia dialogus* / Erkl. von C. W. Nauk. 4. Aufl. Berlin, 1863. Ad locum.
- ⁴⁹ См. примеч. 3.
- ⁵⁰ Остров у западного побережья Италии к северу от Рима.